

З а б ы т ы й д о к у м е н т ь .

(къ истории крестовыхъ походовъ.)

Въ 213-мъ томѣ латинской части *Patrologiae Cursus'a Completus'a* Миня, между другими анонимами XII-го вѣка, находится анонимъ, носящій такое заглавіе: *Epistola anonimi-testis oculati de capta urbe Constantinopolitana* (An. 1204). Миня, въ свою очередь, изыскъ приведенный анонимъ изъ *E. Martene-Monumentorum collectio amplissima*, t. I. с. 784. Соотвѣтственно своему заглавію, приведенный анонимъ содержитъ подробный разсказъ о взятіи Константинополя крестоносцами. Какъ таковой и, при томъ, какъ разсказъ очевидца, анонимъ этотъ долженъ имѣть большое значеніе для исторіи крестовыхъ походовъ. А между тѣмъ историками послѣднихъ этотъ документъ совершенно игнорируется, да и вообще въ исторической литературѣ на него обращено, кажется, слишкомъ мало вниманія. По крайней мѣрѣ, капитальные иностранные труды по средневѣковой исторіи, за исключеніемъ одного ¹⁾, не дѣлаютъ упоминанія о существованіи подобнаго памятника ²⁾. Изъ русскихъ историковъ

¹⁾ *Wilken*.—Geschichte der Kreuzzüge nach morgenl. u. abendländisch. Berichten. Leipz. 1829.

²⁾ См. *Кулеръ*, Исторія крестовыхъ походовъ. СПб. 1895. *Герибера*, Исторія Византіи. Москва, 1896 — Много анонимныхъ памятниковъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ приводится у *Ceiller*—въ XXI томѣ его *Hist. gener. des auteurs Sacr. et ecclesiast.* (Paris, 1757. Глава VIII; *Godefroi de Bouillon et*

проф. Стасюлевичъ въ своей обширной „Исторіи Среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ“ хотя и пользуется для исторіи крестовыхъ походовъ нѣкоторыми анонимными документами, но анонимъ о взятіи Константинополя тоже опускаетъ.

Въ виду отмѣченной несомнѣнной важности документа, съ одной стороны, и упорнаго игнорированія его историками, съ другой, мы рѣшили заняться имъ съ цѣлью, если не разработать его съ достаточной основательностью, то, по крайней мѣрѣ, обратить на него вниманіе историковъ.

Прежде всего, важно рѣшить, кто былъ авторъ даннаго письма и, если не установить его имя, то по крайней мѣрѣ, выяснить его личности, какъ писателя, заслуживающаго той или другой степени достовѣрности.—Авторъ письма, несомнѣнно, очевидецъ разсказываемаго имъ событія и, по даннымъ письма, онъ является ближайшимъ участникомъ взятія Константинополя крестоносцами. Авторъ причисляетъ себя къ числу тѣхъ участниковъ похода, которые убѣждали ополченіе крестоносцевъ принять предложеніе царевича Константинопольскаго Алексія и двинуться къ Константинополю ¹⁾. Затѣмъ, при самой осадѣ города автору письма, вмѣстѣ съ княземъ Монморанси и маршаломъ Шампани, поручено было охраненіе сухопутныхъ силъ крестоноснаго войска, и видно, что онъ имѣлъ *свое* ополченіе (*comes Flandriae cum suis et ego quoque cum meis*). Отсюда ясно, что авторъ письма былъ не простымъ воиномъ, а имѣлъ важное значеніе среди крестоносцевъ, былъ въ числѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ войска, въ числѣ предводителей похода.

quelques Historiens de la Croisade), но анонимъ, разсматриваемый нами, здѣсь не упоминается.

¹⁾ Приведа перечень князей и бароновъ авторъ продолжаетъ: *qui omnes toti exercitui manifeste ostendimus*,

При чтеніи письма нельзя также не обратить вниманія на слѣдующую особенность его. Авторъ письма является человѣкомъ религіознымъ или, по крайней мѣрѣ, набожнымъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, и письмо изобилуетъ выраженіями этой набожности. Осада Константинополя есть, по автору, дѣло Божіе (*negotium Salvatoris*), всѣ надежды крестоносцевъ возлагаются на помощь Божію (*in Dei solum misericordiae potentia confidentes*), самый походъ совершается, такъ сказать, подъ водительство Божіимъ (*Deo ducente*), и успѣху крестоносцевъ содѣйствуетъ удивительная помощь (*Deo mirabiliter operante*) и благодать Божія (*per Dei gratiam*). Этою своею манерой писать авторъ напоминаетъ другого участника и историка 4-го крестового похода Вильгардуина Шампанійскаго ¹⁾, книга котораго изобилуетъ тоже такими выраженіями: „Благодаря Бога, греки претерпѣвали всегда бѣднѣшую потерю, нежели франки“, „посмотрите, какое совершилось чудо Господне! Въ эту ночь императоръ... убѣжалъ, оставивши городъ“ и др. Впрочемъ, подобная манера выражаться была, кажется, общаю у всѣхъ историческихъ писателей этой набожной эпохи крестовыхъ походовъ ²⁾.

Что касается языка автора, то онъ очень и очень далекъ отъ классическаго и является, если не „варварскою“, то, во всякомъ случаѣ, средневѣковою латынью. Нѣкоторыхъ словъ напрасно мы стали бы искать въ латинскихъ лексиконахъ, но за то смыслъ ихъ можно установить съ по-

¹⁾ Его сочиненіе—„О завоеваніи Константинополя“. Лучшее изданіе—Paulin Paris, *De la Conquête de Constantinople*, par Joffroi Villehardouin et Henri de Valenciennes. Paris. 1838. Отрывки русскаго перевода см. у Стасюлевича, *Исторія среднихъ вѣковъ*, т. III, ч. 1, стр. 619—642.

²⁾ Въ набожности крестоносцамъ не отказываетъ даже ихъ врагъ—византійскій историкъ Никита Хониатъ, который о маркграфѣ Балдуинѣ замѣчаетъ: „онъ былъ человѣкъ благочестивый и скромный... любилъ предаваться хваленіямъ Богу“. *Исторія*, кн. III, отд. 9, гл. 6.

мощью лексикона французскаго, куда нѣкоторыя изъ нихъ и сами попали въ нѣсколько измѣненной формѣ. Таковы, на-примѣръ: *galea*—франц. *galéasse*—барка, галера; *elongare*—франц. *elonger*—идти вдоль чего; *escantare*—франц. *enchanter*, англ. *to enchant*—обольщать, очаровывать; *arbalistarius*—франц. *arbalétrier*—стрѣлокъ; *serjantus*—франц. *sergent*, англ. *serjeant*—сержантъ; *baneria*—франц. *banniere*, англ. *banner*—знамя²⁾).

Таковы особенности разбираемаго письма. Эти особенности могутъ, конечно, отчасти оказать помощь при выясненіи вопроса объ авторѣ письма. Но точно опредѣлить личность автора, назвать его по имени, даже указать хотя-бы его національность—довольно трудно.

Идемъ далѣе съ анализомъ письма. Въ началѣ его находится довольно большой перечень предводителей войска крестоносцевъ—сторонниковъ похода на Константинополь. Въ числѣ этихъ предводителей авторъ, очевидно, назвалъ и себя, потому что, сдѣлавши отмѣченный перечень, онъ продолжаетъ: „всѣ мы убѣдительно доказывали (*ostendimus*) войску, что“... Всѣхъ перечисленныхъ лицъ—семнадцать, и среди нихъ есть имя автора; по который изъ этихъ семнадцати лицъ есть именно авторъ письма—этого изъ дѣла пока не видно. Однако нѣкоторыя предположенія все-таки можно сдѣлать. Прежде всего возникаетъ предположеніе относительно указаннаго въ перечнѣ „маршала Шампани“—Вильгардуина, какъ человека, несомнѣнно причастнаго къ литературѣ и лѣтописца четвертаго крестового похода. Мы уже упоминали о сходствѣ въ манерѣ писанія у автора письма и Вильгардуина. Кромѣ приведенныхъ раньше, въ письмѣ и книгѣ Вильгардуина много есть и другихъ сходныхъ выраженій и мѣстъ, напр., частное обращеніе къ читателямъ: „знайте же“

²⁾ При чтеніи письма необходимо прибѣгать для справокъ къ словарю Дю-Канжа - *Du-Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1884.

(*noveritis haec equidem scire vos volo (Anon)*—*et Sachiez (Willeg)*), какиѣ обращеніемъ и начинаются оба памятника. И вообще историческій рассказъ въ обоихъ памятникахъ ведется довольно сходно. Противъ сдѣланнаго предположенія ничего не говорить и языкъ письма, потому что хотя свою книгу Вильгардуинъ написалъ на французскомъ языкѣ, но онъ могъ знать и общераспространенный въ средніе вѣка языкъ латинскій, тѣмъ болѣе, что авторъ письма придаетъ галликанскій колоритъ латыни своего письма, внося въ него рѣзкіе галлицизмы.

Тѣмъ не менѣ Вильгардуина авторомъ письма признать нельзя, и въ письмѣ есть данныя, которыя рѣшительно заставляютъ отказаться отъ первоначальнаго предположенія—нѣсколько правдоподобнаго на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что въ письмѣ есть мѣсто, гдѣ авторъ прямо отдѣляетъ себя отъ „маршала Шампани“. Говоря о лицахъ, коимъ была поручена охрана сухопутнаго аріергарда, авторъ ихъ и перечисляетъ, при чемъ указываетъ и себя: „я (*ego siquidem*), Матвѣй Монморанси, маршалъ Шампани“ (*marescallus Campaniae*)... и др. Ясно, что авторъ письма п. Жоффруа Вильгардуинъ: маршалъ Шампанійскій,—два совершенно разныхъ лица.

Затѣмъ, хотя въ историческомъ рассказѣ книги Вильгардуина и разбираемаго письма въ общемъ замѣтно полное сходство, но въ одномъ пунктѣ оба документа прямо противорѣчатъ другъ другу. По письму, царевичъ Алексій прибылъ въ войско крестоносцевъ при о. Корфу и здѣсь, „кольнопреклоненный, со слезами на глазахъ, онъ умолялъ отправиться съ нимъ въ Константинополь“. Между тѣмъ, по Вильгардуину, это имѣло мѣсто еще въ Зарѣ.—„И было определено, пишетъ Вильгардуинъ, отправиться къ гавани Корфу, острова Восточной Имперіи... Но прежде, нежели дожъ и маркизъ вышли на галерахъ изъ гавани Зары, туда прибылъ Алексій, сынъ императора Исаака Константинополь-

скаго, присланный Филиппомъ, королемъ Германіи, и онъ былъ принятъ съ великою радостью и великою почестью.. Итакъ, они вышли изъ гавани Зары и, при попутномъ вѣтрѣ, прибыли въ Дураццо¹⁾. Объяснить дѣло неточностью въ данномъ случаѣ не представляется возможнымъ. Здѣсь боже, чѣмъ простая неточность, потому что разстояніе между Зарой и о. Корфу не маленькое, и если первая находится въ сѣверной части Адриатическаго моря, то второй лежитъ уже въ Средиземномъ морѣ. Поэтому, естественно предположить, что авторъ письма во время прибытія Алексія въ Зару не находился здѣсь, и войско крестоносцевъ онъ нагналъ уже только при Корфу, гдѣ крестоносцы условились, согласно извѣстію Вильгардуина, поджидать всѣхъ своихъ, почему либо отставшихъ, „пока не соберутся всѣ“²⁾, и гдѣ авторъ письма впервые и увидѣлъ греческаго царевича, слѣдовавшаго изъ Зары вмѣстѣ съ крестоносцами³⁾.

Придя къ такому выводу, мы невольно останавливаемся на слѣдующемъ фактѣ, рассказываемомъ Вильгардуиномъ. За взятіе и разграбленіе города Зары папа (Иннокентій III) выразилъ крестоносцамъ сильное неудовольствіе⁴⁾. Чтобы смягчить папу, послѣдніе рѣшили отправить къ нему посольство и для этого выбрали послами двухъ клириковъ и двухъ рыцарей, „какихъ они считали годными для этого дѣла“. Тѣ два клирика были Невелонъ, епископъ Суассона, и Іоаннъ Нойонскій, канцлеръ графа Фландрскаго Балдуина;

¹⁾ См. у Стасюловича, III, стр. 630. Ср. *Герибертъ*, стр. 347.

²⁾ Тамъ же, стр. 630. Ср. *Wilken*, s. 193. *Емѣ Hist. De Heracl. Emper. Recueil d. hist. crois.* III, p. 265.

³⁾ Кетати, здѣсь, въ Корфу, Алексій торжественно повторилъ свои обѣщанія, данныя въ Зарѣ. См. *Герибертъ*, стр. 348.

⁴⁾ См. его грозное письмо крестоносцамъ, гдѣ онъ угрожаетъ объявить ослушниковъ подвергнутыми экскомуникаціи — *excommunicationis vinculo innodatos et beneficiis indulgentiae, quam apostolica Sedes cruce Signatis indulsit, immunes.*—*Epistolarum Innocentii III libri. T. I. Ed. Balusii. Paris. 1682, p. 677.*

а рыцари—Іоаннъ изъ Фіеза и Робертъ изъ Бове. Послы клялись надъ святыми, что исполнять вѣрно порученіе и возвратятся въ лагерь. Трое изъ нихъ сдержали свое слово¹⁾, а четвертый, именно Робертъ, нарушилъ клятву и ушелъ въ Сирію. Такъ повѣствуетъ Вильгардуинъ²⁾. Объ этомъ посольствѣ свидѣтельство можно находить также и у папы Иннокентія III, который упоминаетъ и о свѣтскихъ членахъ посольства—двухъ „галликанскихъ баронахъ“³⁾ (cum duobus Baronibus Gallicanis). Всего естественнѣе предположить, что посольство это, отправившись изъ Зары, по своему возвращеніи изъ Рима уже не могло застать войско крестоносцевъ въ Зарѣ, а должно было нагонять его по дорогѣ на Востокъ и именно при о. Корфу, гдѣ, по свидѣтельству Вильгардуина, крестоносцами было рѣшено собраться всѣмъ, ожидая, пока придутъ всѣ отставшіе и завоздавшіе. Изъ Зары же это посольство, какъ это видно изъ хода разсказа Вильгардуина, вышло еще до прибытія туда царевича Азексія⁴⁾.

Приведенное обстоятельство, въ связи съ ранѣе высказаннымъ нами предположеніемъ, заставляетъ насъ сдѣлать попытку къ отысканію автора разбираемаго нами письма именно среди членовъ умиловительнаго посольства въ Рымъ. Последнихъ, какъ сказано, было четверо—двое клириковъ и двое свѣтскихъ. Изъ последнихъ одного (Роберта изъ Бове), какъ не возвратившагося обратно, считать уже нечего. Относительно двухъ духовныхъ членовъ посольства дѣлать предположенія тоже нельзя, потому что, какъ мы

¹⁾ Корабль епископа Суассонскаго потомъ принималъ участіе въ осадѣ Константинополя. См. у Шоссера, Всемирная Исторія. Т. VІІ, стр. 160.

²⁾ См. у Стисляевича, стр. 621.

³⁾ Epist. Innocentii libr. t 1, p. 50.

⁴⁾ Посольство, по Вильгардуину, было отправлено задолго до великаго поста, а выступленіе крестоносцевъ изъ Зары состоялось на Пасху.—См. у Стисляевича, III, стр. 629—630.

установили раньше, авторомъ письма нужно считать свѣтскаго барона, имѣвшаго свое собственное войско и принимавшаго дѣятельное и непосредственное участіе въ сраженіяхъ подъ стѣнами Константинополя. Остается только четвертый участникъ посольства, именно рыцарь Іоаннъ изъ Фіеза.

Теперь, когда мы обращаемся къ тому перечню предводителей похода, который помѣщенъ въ началѣ разсматриваемаго анонима и въ которомъ, какъ сказано, помѣщено и имя автора его (анонима),—то мы здѣсь дѣйствительно находимъ имя Іоанна—*Joannes Fusienum*. Такимъ образомъ, съ нѣкоторымъ, хотя, конечно, небольшимъ, основаніемъ можно предположить, что Іоаннъ изъ Фіеза, о которомъ говоритъ Вильгардуинъ, есть одно лицо съ Іоанномъ Фіезскимъ (*Fusienum*) изучаемаго письма и есть авторъ послѣдняго ¹⁾.

Принимая во вниманіе то, что послами въ Римъ крестоносцы рѣшили избрать людей, „годныхъ для этого дѣла“, можно со всею вѣроятностію заключить, что указанный Іоаннъ изъ Фіеза былъ набожный человекъ и приверженецъ папы, представленія котораго могли бы быть угодны послѣд-

¹⁾ Въ виду сказаннаго, мы не придаемъ особеннаго значенія предположенію Вилькена, по которому разбираемое письмо написано графомъ Гуго Сень-Поль и адресовано Генриху Брабантскому (*Gesch. d. Kreuzz. B. I, s. 193*); хотя въ изданіи *Freheri* (*Script. rer. Germ. t. I*) это письмо тоже надписывается *Epistola comitis de S. Paulo*. Графъ Гуго Сень-Поль, правда, участвовалъ въ походѣ, но приписывать этотъ документъ ему у насъ нѣтъ данныхъ, хотя бы и такихъ неполныхъ, какія мы имѣемъ все-таки въ пользу Іоанна Фіезскаго. Затѣмъ, въ концѣ письма ясно говорится, что оно адресуется „братьямъ, которые въ заморскихъ странахъ ожидаютъ прибытія“ крестоносцевъ, дабы извѣстіемъ о побѣдахъ поднять духъ этихъ „заморскихъ братій“. Иначе говоря, письмо адресуется той части крестоносцаго ополченія, которая изъ Европы направилась непосредственно въ Сирію, и потому оно имѣетъ до нѣкоторой степени характеръ оруженнаго посланія. Въ силу сказаннаго, оно и не могло быть адресовано огдѣльному лицу—Генриху Брабантскому.

нему. А какъ разъ съ такимъ характеромъ и выступаетъ предъ нами авторъ изучаемаго нами письма. Не повторяя ранѣ приведенныхъ изъ письма мѣстъ въ этомъ родѣ, сошлемся въ подѣверженіе сказаннаго только на одно мѣсто, гдѣ авторъ указываетъ основаніе къ взятію Константинополя. „Постараюсь, заявляетъ онъ своимъ адресатамъ, удовлетворить васъ объясненіемъ того, почему, главнымъ образомъ мы стремились занять царственный городъ;—разумѣется это—Божіе дѣло (ad negotium Salvatoris), чтобы Восточная Церковь, столицей которой былъ Константинополь, съ императоромъ и всей своей имперіей, признала бы себя дочерью своего главы—*римскаго первосвященника*“¹⁾.

Галлицизированная латынь письма тоже отчасти можетъ говорить въ пользу авторства Іоанна изъ Фіеза—этого, по слову папы Иннокентія, „Галликанскаго Барона“²⁾.

Далѣе изъ письма видно, что авторъ его былъ причисленъ, между прочимъ, къ составу предводителей, не способныхъ дѣйствовать на морѣ, почему ему и были поручены сухопутныя операціи. Въ виду этого, автора, если нельзя назвать прямо французомъ, то во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что онъ не могъ быть венеціанцемъ и даже итальянцемъ. Въ полномъ согласіи съ такимъ нашимъ соображеніемъ стоитъ замѣчаніе Вильгардуина, у котораго мы, между прочимъ, читаемъ: „французы говорили, что они не умѣютъ дѣйствовать такъ хорошо на морѣ, какъ вене-

¹⁾ Въ данномъ мѣстѣ документъ невольно разоблачаетъ истинное отношеніе къ крестоносному движенію папства, формально протестовавшаго противъ похода на Константинополь. Это обстоятельство сообщаетъ разбираемому документу особую цѣну; особенно, если признать авторомъ его Іоанна Фіезскаго, путешествовавшаго въ Римъ и имѣвшаго возможность лично слышать и усвоить точку зрѣнія папы.

²⁾ Въ посольствѣ, какъ сказано, участвовали, по нему, „два Галликанскіе барона“ (cum duobus Baronibus Gallicanis).—*Gecl. Innoc. III, in Epist. t. I, p. 50.*

ціане, но за то, сидя на лошади, въ своемъ вооруженіи, они будутъ полезны болѣе на сухомъ пути. Положено было, что венеціане нападутъ съ моря, а бароны и ихъ армія со стороны суши“¹⁾).

За французское происхожденіе автора можетъ говорить, между прочимъ, и употребленное авторомъ въ письмѣ сравненіе одного приконстантинопольскаго моста съ подобнымъ мостомъ Парижскимъ (Pons vero ille potentior erat Parvo Ponte Parisiacensi).

Таковы наши предположенія относительно автора изучаемаго нами анонима. Правда, имя автора мы не имѣли возможности установить съ безусловною точностію. Но для насъ вполне ясно опредѣлилось одно положеніе, имѣющее очень важное значеніе при сужденіи о степени достовѣрности автора, какъ историческаго писателя. Именно, теперь вполне ясно, что авторъ письма—крайній приверженецъ папы, лицо, видящее въ предпріятіи крестоносцевъ дѣло ad maiorem pareae gloriā и въ такомъ духѣ склонное освѣщать рассказываемыя событія. Поэтому-то, напр., тѣ участники похода, которые не хотятъ идти на Константинополь и стремятся въ Палестину для выполненія своего прямого долга—освобожденія Гроба Господня—являются для автора письма измѣнниками, и онъ отзывается о нихъ съ негодованіемъ.

Когда мы касаемся вопроса о цѣли письма, то у насъ опять является поводъ заподозрить нѣсколько достовѣрность автора. Письмо адресуется, должно быть, той части войска крестоносцевъ, которая помимо Константинополя непосредственно попала въ Сирію—„братьямъ, которые въ заморскихъ странахъ, по письму, ожидаютъ нашего прибытія“. Цѣль письма сообщить послѣднимъ („заморскимъ братьямъ“)

¹⁾ См. у Стасюлевича, стр. 632.

объ успѣхѣ Константинопольской кампаніи, „чтобы они, услышавши молву о нашихъ удачахъ, каковыхъ участниками, мы хотѣли, чтобы и они были, поддержанные подкрѣпленіемъ святой надежды, выжидали бы будущаго съ большею твердостію“. Это обстоятельство, говоримъ, опять даетъ поводъ заподозрить, что въ видахъ достиженія поставленной цѣли авторъ будетъ нѣсколько преувеличивать подвиги и успѣхи своихъ соратниковъ.

По счастью, высказанное подозрѣніе не оправдывается во всей силѣ, и въ прямомъ искаженіи фактовъ автора письма упрекнуть нельзя. Подтвержденіемъ этого служить согласіе его съ другими современными ему историческими памятниками (книгою Вильгардуина и Исторіею Никиты Хоніата ¹⁾). Правда, авторъ обходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что общее нападеніе крестоносцевъ на Константинополь съ моря и суши (17 Іюля) первоначально было отбито греками, когда рыцари, вошедшіе было уже въ одномъ мѣстѣ на стѣну, обратили тылъ предъ массою греческаго войска ²⁾). Но во всякомъ случаѣ побѣда крестоносцевъ была, дѣйствительно, блестящею. „Двадцать тысячъ крестоносцевъ замѣчаетъ Шлоссеръ, завоевали городъ съ четырьмястами тысячъ жителей, потерявъ при этомъ только одного рыцаря“ ³⁾).

¹⁾ Сочиненіе послѣдняго—*‘Исторіа’*—помѣщено въ *Corpus’ Scriptorum Byzantinæ*, Bonn 18⁷⁸ss. Томъ 48-й. Русск. переводъ—*„Византійскіе исторіи“*, т. 1—2. СПб. 1862. Объ отношеніи историческихъ данныхъ анонима къ повѣствованію Никиты Хоніата можно замѣтить слѣдующее. Пизита, конечно, былъ современникомъ описываемыхъ событій, но онъ не всегда могъ относиться къ нимъ безпристрастно. Завоеваніе Константинополя коснулось лично самого Никиты, который теперь лишился всего своего большого состоянія и при грустныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ перебраться въ Низию. См. *Лебедевъ, Очерки исторіи Византійской Церкви*. Москва. 1892, стр. 19.

²⁾ Сравни. Вильгардуинъ, у *Стасюлевича*, стр. 632; *Никита Хоніатъ*, русс. перев., ч. 2, стр. 281.

³⁾ *Шлоссеръ*, *Всемирная ист.* СПб. 1863, т. VII, стр. 160.

Событіе взятія Константинополя имѣеть двухъ, не разъ уже указанныхъ нами раньше историковъ — очевидцевъ: Вильгардуина, маршала Шампани и византійца Никиту Хониата. Разобранный нами анонимъ—письмо очевидца—является дополненіемъ къ указаннымъ двумъ памятникамъ. Но что придаетъ особенное значеніе послѣднему документу, — это время и мѣсто его написанія. Книги Вильгардуина и Никиты писались уже спустя извѣстное время послѣ описываемыхъ событій, почему многія частности могли быть позабыты ихъ авторами или ускользнуть при описаніи ими цѣлаго ряда фактовъ. Между тѣмъ, изслѣдуемый анонимъ пишется еще до выхода автора его (а съ нимъ и всего войска крестоносцевъ) изъ Константинополя¹⁾, гдѣ онъ, авторъ, собирается еще зазимовать вмѣстѣ съ другими крестоносцами. Авторъ, значить, пишетъ вскорѣ послѣ совершенія описанныхъ событій и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ нихъ. Такъ что разобранный нами документъ является, можно сказать, *письмомъ съ театра войны*. Вотъ почему, въ нѣкоторыхъ частныхъ противорѣчіяхъ между нимъ и Вильгардуиномъ, приходится отдавать предпочтеніе именно ему—анониму²⁾, и въ этомъ мы полагаемъ его главное историческое значеніе.

Письмо очевидца о взятіи крестоносцами Константинополя (1204 года).

Пусть вамъ извѣстно будетъ, что Алексѣй Баризіакъ (Barisiacus)³⁾, какъ я вамъ передавалъ уже, пришелъ къ

¹⁾ Поднимать вопросъ о томъ, что письмо можетъ быть позднѣйшимъ произведеніемъ, мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ не видимъ смысла въ позднѣйшей поддѣлкѣ подобнаго документа, лишеннаго всякихъ данныхъ для какихъ-либо тенденціонныхъ, практическихъ цѣлей.

²⁾ См., напр., извѣстіе Вильгардуина о рыцаряхъ, которые повинили войско крестоносцевъ, не пожелавъ участвовать при взятіи Константинополя, мѣсто въ письмѣ о томъ же и наше примѣчаніе къ данному мѣсту.

³⁾ Сынъ Исаака Ангела, свергнутого съ престола въ 1195 году своимъ братомъ Алексѣемъ III Комненомъ.

намъ при Корфу¹⁾ и здѣсь, съ склоненными колѣнами и проливая слезы, просилъ насъ идти съ нимъ въ Константинополь и оказать ему помощь, чтобы брата отца своего, котораго отецъ его освободилъ изъ языческаго плѣна и который—освобожденный и выкупленный братомъ—такъ отплатилъ ему, что изъ-за стремленія къ власти гнусно брата своего ослѣпилъ; (просилъ), чтобы этого дядю при нашей помощи прогнать съ императорскаго престола, который онъ по жадности узурпировалъ и незаконно удерживалъ. По этому поводу въ войскѣ произошло большое раздѣленіе и шумъ. Всѣ кричали, чтобы идти къ Аскарону, и немного было такихъ, которые одобряли бы путешествіе въ Константинополь; изъ послѣднихъ одинъ былъ графъ Фландрійскій²⁾, затѣмъ (графъ) Людовикъ³⁾, маршалъ Монферратскій и графъ Матоей Монморанси; маршалъ Шампани, Кононъ (Сопо) Бетунійскій, Милесъ Брабантскій, Іоаннъ Фіевскій, Іоаннъ изъ Триты, Петръ Браикосъ (de Braicos), Анзельмъ изъ Каіе (de Cayeu), R. de Trith, Макарій изъ Санте-Менегельга, M. de Insulis, епископъ Гельвестата, епископъ Труа (de Troies) и Іоаннъ Фасетъ. Мы всѣ ясно доказывали всему войску, что Іерусалимская дорога, въ виду того, что не имѣется на лицо достаточныхъ запасовъ, и никого нѣтъ (среди крестоносцевъ), кто-бы могъ взять солдатъ на свое содержаніе и снабдить военными принадлежностями, такъ въ виду всего этого Іерусалимская дорога (т. е. дорога на Іерусалимъ) для всѣхъ будетъ бесполезна и опасна. Тогда почти всѣ склонились на нашу сторону подъ тѣмъ условіемъ, что

¹⁾ Apud Corfaunt.—По Вильгардуину, Алексій прибылъ въ крестоносцамъ, когда послѣдніе только рѣшили изъ Зары, взятой ими, отправиться въ гавань острова Корфу, но еще не успѣли покинуть гавани Зарской. См. объ этомъ выше.

²⁾ Балдуинъ.

³⁾ По показанію *Никиты Хониата* (Істор. III), Людовикъ былъ графомъ Блоасскимъ (ὁ κόμης Πλέης Δολοϊκος).

мы подъ Константинополемъ не задержимся долѣе мѣсяца. Имъ отвѣтили, что упоминаніе о непродолжительности пребыванія подъ Константинополемъ не можетъ быть опубликовано потому, что греки будутъ менѣе страшиться насъ, если узнаютъ о нашемъ намѣреніи оставаться недолго подъ Константинополемъ. Однако, они (т. е. несогласные съ нами) потребовали, чтобы имъ было все-таки обѣщано условіе задержки непродолжительнѣе одного мѣсяца. Такъ и сдѣлали. Послѣ этого юный императоръ обѣщалъ (*escantavit*) ¹⁾ намъ доставлять припасы въ теченіе года всему войску, а черезъ годъ взять на свое иждивеніе 10000 всадниковъ на помощь святой землѣ. Обѣщалъ также въ теченіе своей жизни имѣть въ Святой землѣ на своемъ содержаніи 50 воиновъ. Венеціанскому дожу (*ducì*) обѣщалъ доставить 10 марокъ серебра ²⁾ и столько-же нашему войску. Послѣ того какъ все это было установлено и одобрено общимъ собраніемъ, мы сѣли на свои корабли. На восьмой день отсюда мы благополучно прибыли къ порту Дусевин ³⁾; отъ этого мѣста до Константинополя считается 100 лейгъ ⁴⁾. Отъ самого порта до Константинополя чрезъ узкое и быстро текущее море есть проходъ. Отсюда, плывя чрезъ этотъ проливъ, мы прошли чрезъ заливъ св. Георгія и захватили портъ до самой суши противъ Иконіи, каковой портъ отсто-

¹⁾ *Escantare*—слово это, по Дюканжу, употреблено только въ семъ документахъ и значить „*vana spe deludere, verbis fallacibus lactare*“. — *Du-Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1884, t. III, p. 222. По-русски—судить. Позднѣйш. франц. *enchanter*—обольщать, очаровывать.

²⁾ Марка серебра, по Дюканжу, составляетъ либру, которая дѣлится на 16 унцій, т. е. содержитъ до 9216 гранъ. Памій свидѣт.: *marca dicitur pondus argenteum librae*. См. *Du-Cange, V*, p. 259.

³⁾ По другому (Struv.) изданію письма, названіе этого порта—*Buceavia* Willg.: *Boche d' Avie*.

⁴⁾ *Leuga*—лейга—галльская мѣра протяженія въ 1500 шаговъ. *Du-Cange, V*, p. 73. Свидѣт. древнихъ: *Hesychius: Λεούγη, μέτρον τι Γαλατικόν; Jordanes (De rebus Geticis): Leuga autem Gallica mille et quingentorum passum quantitate mentitur. Овъ-же (Vita S. Remadi, c. 20): dicitur autem leuca apud Gallos spatium mille quingentorum passum, id est 12 stadiorum.*

ить отъ Константинополя на одну лейгу. Тамъ мы были чрезвычайно удивлены (*Stupuiumus vehementer admirantes*), что никто ни изъ друзей, ни изъ родственниковъ юноши (царевича Алексѣя), бывшаго съ нами, не пришелъ къ нему сообщить, въ какомъ положеніи находится Константинополь. Императоръ-узурпаторъ немедленно предложилъ свои подарки Венеціанскому дожу, князю Фландріи, князю Люденсійскому и намъ. Мы же устроили между собою тайное совѣщаніе, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выслушивать вѣстниковъ императора; и если онъ предварительно не отречется отъ императорской власти, то никакъ не выслушивать ни его самого, ни его вѣстниковъ. Мы не хотѣли, чтобы греки своими лстивыми подарками завлекли насъ и обольстили обѣщаніями.

Между тѣмъ, на берегу войско императора готово было въ противодѣйствіе намъ задержать нашу переправу, показывая намъ преувеличенное воодушевленіе къ битвѣ съ нами; видя это, мы прибѣгли къ исповѣданію своихъ грѣховъ, возложивши надежду на одно только могущество божественнаго милосердія. Потомъ приготовились къ битвѣ, установивши всѣ свои вооруженные корабли. Когда же, водимые Богомъ, мы двинулись впередъ, всѣ греки собрались, чтобы воспрепятствовать нашему переходу. Однако-же, по милости Божіей, удалились отъ насъ на столько, что ни до кого изъ нихъ не могли долетать даже наши стрѣлы. Потомъ мы добрались до одной крѣпчайшей башни, называемой „Галата“, къ которой прикрѣплена чрезвычайно большая желѣзная цѣпь. Последняя, положенная на деревянные перекладины, проходитъ чрезъ море, выходя на сушу уже при городской стѣнѣ. Цѣпь эта запираетъ тотъ портъ, и подлѣ нея укрываются городскіе корабли и галеры ¹⁾ съ барками ²⁾, привязанные бортами и

¹⁾ *Galea*—est genus navigii velocissimi; *galeae*—longae naves. *Du-Cange*, IV, p. 13.

²⁾ *Barga*—(тоже, что итал. *barca*)—судно, *scapha operatia*; у Гинкмара (*Annal. a. 876*): *Nortmanni cum navibus magnis, quas nostri Barga, vocant.* См. *Du-Cange*, I, p. 576.

препятствующіе нашему проникновенію (въ бухту). На сушѣ въ опредѣленныхъ мѣстахъ находились стражами (Serjanti)¹⁾, Пизанцы, Генуэзцы, Дакійцы и другіе, приставленные для охраненія и защиты ея (башни). Они свободно, по своему желанію, выходили изъ башни и входили въ нее, чтобы стрѣлять въ насъ. Относительно этой башни мы совѣщались съ Венеціанскимъ дожемъ, мужемъ мудрѣйшимъ, заявивъ ему, что башня никоимъ образомъ не можетъ быть взята иначе, какъ посредствомъ минитеровъ и петрарій²⁾ и другихъ разнообразныхъ осадныхъ приспособленій на корабляхъ. Мы также много изошрялись, чтобы такъ или иначе съ помощію Божіей и собственной взять осажденную башню. Когда-же все это предполагалось, защитники помянутой башни своими частыми стрѣлами причиняли намъ значительный вредъ. На третій день послѣ того, какъ наши палатки были здѣсь утверждены, они, вышедши наружу (deintus), сдѣлали нападеніе на нашихъ. Петръ-же Браликолъ (Branicoll) своимъ нападеніемъ сдѣлалъ такой сильный натискъ на нихъ, что они не могли ни сопротивляться, ни бѣжать, чтобы искать убѣжища въ башнѣ: напротивъ, при приближеніи нашихъ, каждый изъ нихъ предпочиталъ броситься въ море, и они потонули частію раненые, частію стѣсненные. Немедленно, при чудесной помощи Божіей, башня была взята даже и безъ осадныхъ приспособленій, и цѣнь была разорвана. Скоро, по

¹⁾ Serjanti—воины всадники. *Du-Cange*, VII, p. 444 Это слово еще встрѣчается въ такомъ же значеніи въ письмѣ Генриха, брата Балдуина Константинопольскаго. См. это письмо in *Gestis Innocentii III*, при книгѣ *Epistola Innoc.* Ed. Balus. t. I.

²⁾ Петрарія—военно-метательныя приспособленія. Письмо импер. Константина отъ 1204 г. (apud *Miraeum*, t. I, p. 111): *Nilominus tamen inter quas libet duas turreas seu petrarias seu mangonellum erigitur*. У Вильгельма Тирска. (lib. 8, c. 6): *machinas jaculatorias, quas mangana vel petrarias (vulgo) vocant*. См. *Du-Cange*, VI, p. 297. Объ этихъ машинахъ см. также у *Куллера*, Истор. крестов. походовъ. СПб. 1895, стр. 249.

отступленіи городскихъ кораблей, мы свободно взяли портъ и захватили ихнія суда.

Тогда, приведя въ боевой порядокъ и себя, и корабли, мы двинулись впередъ до одного каменнаго моста, отстоящаго отъ помянутаго ранѣе мѣста на одну съ лишкомъ лейгу. Мостъ-же этотъ былъ массивнѣе Малаго моста Парижскаго и былъ до того узокъ, что три всадника бокъ-о-бокъ едва могли пройти. Подходящаго-же брода мы не могли найти иначе, какъ на разстояніи трехъ лейгъ. Впрочемъ, если-бы мы такъ далеко отошли отъ своего флота, то могли-бы подвергнуться большой опасности и гибели. Когда мы достигли самого моста, по долготерпѣнію Божию, безъ всякаго противодействія, то перешли по нему и, идя впередъ, утвердили наши палатки между дворцомъ императора, который называется Влахернскимъ и дворцомъ Боимунда¹⁾ и настолько приблизились къ Влахерну, что стрѣлы падали: наши—на дворецъ императора и чрезъ окна—внутри его, а греческія—на наши палатки. Сдѣлавши это, войско наше окружило себя большими колыями. Потомъ мы начали изощрять свои воинскія способности противъ стѣнъ посредствомъ петрарій. Дожъ же Венеціанскій на каждомъ кораблѣ устроилъ высочайшій помостъ изъ рей, вышиною въ сто футовъ, и на каждый помостъ могли входить по четыре вооруженныхъ воина. Сверхъ того, Уссарій имѣлъ въ дѣйствиіи также свой магнеллумъ²⁾.

Пока все это происходило, греки пѣшіе и конные дѣлали нападенія на насъ. Но они всегда были въ уронъ. Однажды множество ихъ солдатъ, выйдя толпою изъ однихъ воротъ, открытыхъ съ правой стороны, выступили впередъ, вызывая

¹⁾ По Вильгардуину, монастырь—le Chastel Buymont. По упомин. Hist. Eocl. Emper.—„abbaye“ (pag 267).

²⁾ Magnellum, или manganium—военная метательная машина.—Du-Cange, V. p. 217.

насть сразиться. Однако наши сильнымъ и мужественнымъ нападеніемъ храбро прогнали ихъ назадъ, при чемъ многіе изъ нихъ, толкая другъ друга, попадали въ ровъ; между ними въ числѣ нѣкоторыхъ иныхъ оказался убитымъ сынъ вожди Дураза, который славился между Константинопольцами благородствомъ и красотою. Крастина тоже одинъ разъ вывелъ чрезъ Влахернскія ворота когорту городскихъ солдатъ, въ той части, которая нами была наиболѣе укрѣплена. При помощи Божіей, они были возвращены съ позоромъ назадъ. Тогда же былъ захваченъ одинъ сильный мужъ, лучший между всѣми горожанами въ войскѣ и совѣтникъ императора. Послѣ дня Меркуріи (die Mercurii post) было приказано, чтобы на завтра ¹⁾ было нападеніе на городъ; при этомъ дожъ Венеціанскій долженъ былъ напасть съ моря, а графъ Фландрскій—съ суши. Я же и Матвѣй Монмаранси съ маршаломъ Шампани, а также А. de S. Суроне, пока будетъ происходить нападеніе, будемъ охранять войско близъ лагеря. Такъ мы и сдѣлали.

Когда все было приготовлено, дожъ и Венеціанцы съ нѣкоторыми изъ нашихъ, способными въ мореплаваніи, когда корабли были придвинуты близко къ стѣнамъ, приставивши къ стѣнамъ лѣстницы, съ великимъ искусствомъ проникли въ городъ; ворвалось въ городъ 25 трибъ солдатъ, коими и произведенъ въ городѣ немалый пожаръ. Наши также, дѣлая свои нападенія съ суши и приставивши подобнымъ же образомъ къ стѣнамъ лѣстницы, водрузили на стѣнахъ свои стяги и знамена. Миниторы же подкапывали стѣну снизу и одну башню разрушили. Тогда императоръ, подавленный пожаромъ города и нашими неожиданными отовсюду нападеніями, собралъ турмы ²⁾ немногихъ солдатъ къ единственнымъ, дававшимъ выходъ въ поле, воро-

¹⁾ Т. е. на 17-е іюля.

²⁾ Турма отдѣленіе отряда Римской конницы, десятая часть отряда отъ 30 до 32 человекъ.

тамъ, чтобы не погибнуть, будучи окруженными отовсюду. Мы также дѣлали свое дѣло; князь Фландрскій со своими и я также со своими, каждый, разумеется, стоя на своемъ мѣстѣ на стражѣ и подвигаясь постепенно впередъ, мы очутились такъ близко отъ непріятеля, что ихніе стрѣлки и арбалетчики и наши могли тѣнить другъ друга. Когда они увидѣли насъ воодушевленныхъ и твердо выступающихъ впередъ и убѣдились, что не могутъ легко съ нами раздѣлаться, то уstraшенные и смущенные отступили, не осмѣлившись вступить съ нами въ битву. И знайте, что насъ (т. е. рыцарей) въ войскѣ не было больше 200 воиновъ и столько же иныхъ всадниковъ; пѣхотинцевъ было не болѣе 2000; ибо большая часть оставалась на мѣстѣ для охраны припасовъ. Мы же, видя ихъ бѣгство, не хотѣли ихъ преслѣдовать, чтобы посредствомъ ихнихъ хитростей нашему войску и военнымъ машинамъ и башнямъ, принадлежавшимъ Венеціанцамъ, не было причинено вреда. Императоръ же, возвратившись въ свой дворецъ, на завтра назначилъ сраженіе съ нами, но среди ночи тайно убѣжалъ. Въ день Юпитера, какъ было обѣщано, мы принуждены были продолжать сраженіе. На завтра же, при помощи Божіей, городъ былъ намъ сданъ, и такимъ образомъ истекло полныхъ 8 дней осады города. Тогда же императоръ Коризакъ съ императрицею своею супругою—сестра царя Венгріи,—долго находившіеся въ заключеніи, приславши намъ много различныхъ подарковъ, просили во имя Бога и нашего милосердія освободить ихъ изъ заключенія и возвратить имъ императорскія права; а насъ на завтра просили пожаловать во дворецъ вмѣстѣ съ давно ожидаемымъ ихнимъ сыномъ. Мы такъ и сдѣлали и откушали во дворцѣ съ великимъ ликованіемъ и необыкновенною честію.

Особенно я хочу обратить ваше вниманіе на то, что R. de Parke и R de Monto Miralo съ аббатомъ Во¹⁾ посѣщали въ

¹⁾ De Voue, позднѣе Vaux. По письму, аббатъ Во, Цистеріанскаго ордена, стремится въ Іерусалимъ, тогда какъ по Вильгардуину онъ вслѣдъ за Св.

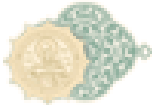
Іерусалимъ, а J. de Boue ¹⁾ и Симонъ Монфортскій, R. Malus-Vicinus, аббатъ de Ballibus причинили большое несогласіе въ средѣ участниковъ экспедиціи (in stolo) ²⁾, стремясь къ царю Венгерскому; тѣ и другіе оставили наше войско и покинули насъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. За то дожемъ Венеціанскимъ, какъ мужемъ благоразумнѣйшимъ и опытнымъ въ трудныхъ совѣтахъ, мы наиболѣе могли похвалиться. Конечно, и иное многое, лучшее и славнѣйшее сказаннаго, было сдѣлано; но я постараюсь только удовлетворить васъ объясненіемъ того, почему мы стремились главнымъ образомъ занять царственный городъ;—разумѣется, это Божіе дѣло (ad negotium Salvatoris), чтобы Восточная Церковь, столицей которой былъ Константинополь, съ императоромъ и всею своею имперіею признала бы себя дочерью своего главы—римскаго первосвященника (pontifici). Даже самъ патріархъ (греческій) сочувствовалъ этому дѣлу, согласившись принять палліумъ—знакъ своего достоинства—отъ верховнаго первосвященника, въ тѣхъ видахъ, чтобы могъ потомъ добиваться и кафедры Римской; и сверхъ того, онъ самъ, вмѣстѣ съ императоромъ, далъ устное увѣреніе ³⁾ въ нена-

мономъ Монфортскимъ отправился къ королю Венгерскому (См. у Стасюлевича, стр. 630). Правда здѣсь должна быть на сторонѣ автора письма, потому что нѣсколькими страницами раньше самъ же Вильгардуинъ, противорѣча себѣ, говорить, что аббатъ Во былъ противъ задержки крестоносцевъ въ Европѣ и стремился именно на Востокъ („Аббатъ Во и его сторонники сильно оуждали это, т. е. намѣреніе сдѣлать походъ подъ Константинополь, и говорили, что все это будетъ не хорошо: лучше идти въ Сирію и сдѣлать, что можно“—Тамъ же, стр. 628)

¹⁾ Должно быть, Іаковъ изъ Во.

²⁾ Stolum, или Stulus, отъ греческ. στόλος—собственно корабль.—*Ducange*. VII, p. 604. См. *Gesta Innoc.* III, p. 49, 129. Но греческое στόλος употребляется и для обозначенія цѣлаго флота или морского предпріятія—экспедиція—*expeditio*. См. *Xenoph.* *Anab.* 2, 2. 10. Сравни, *Wahl*, *Clavis libr.* V. T. *Aprocyph.* Lips. 1853, p. 449.

³⁾ Cautionem;—это слово съ подобнымъ значеніемъ встрѣч. у Цицерона. См. *Georges*, *Ausfuhr. lat.—deutsch. Handwörtl.* Leipzig. 1869, B. I, s. 772.

рушимости своей клятвы. На это нашъ императоръ, когда все обѣщанное вполнѣ и честно было выполнено, клятвою обязался вмѣстѣ съ нашими переправиться чрезъ проливъ къ срединѣ текущаго марта, имѣя съ собою 10000 всадниковъ и подѣ условіемъ доставки всему Господнему ополченію въ теченіе года продовольствія и продленія на годъ нашего договора съ Венеціанцами. Пославши также со своей и съ нашей стороны пословъ къ Вавилонскому султану¹⁾—обладателю и святой земли—требовалъ, чтобы онъ, соблюдая почтеніе къ народу христіанскому предъ лицомъ своего невѣрнаго народа, ожидалъ бы благодати и милосердія Божія къ истребленію невѣрія

Итакъ, мы, соблазненные такими выгодами и задержанные священною надеждою будущихъ благъ, рѣшили зазимовать у вышепрописаннаго города, и объ этомъ мы хотимъ освѣдомить нашихъ братьевъ, которые въ заморскихъ странахъ ожидаютъ нашего прибытія, чтобы они, услышавши молву о нашихъ удачахъ, каковыхъ участниками мы хотимъ, чтобы и они были, поддержанные подкрѣпленіемъ святой надежды, выжидали бы будущаго съ большею твердостію.

В. Родниковъ.

---

¹⁾ Египетскому халифу. Сравни. у Стасюлевича, Истор. средн. вѣк. т. III, ч. 1, стр. 628.